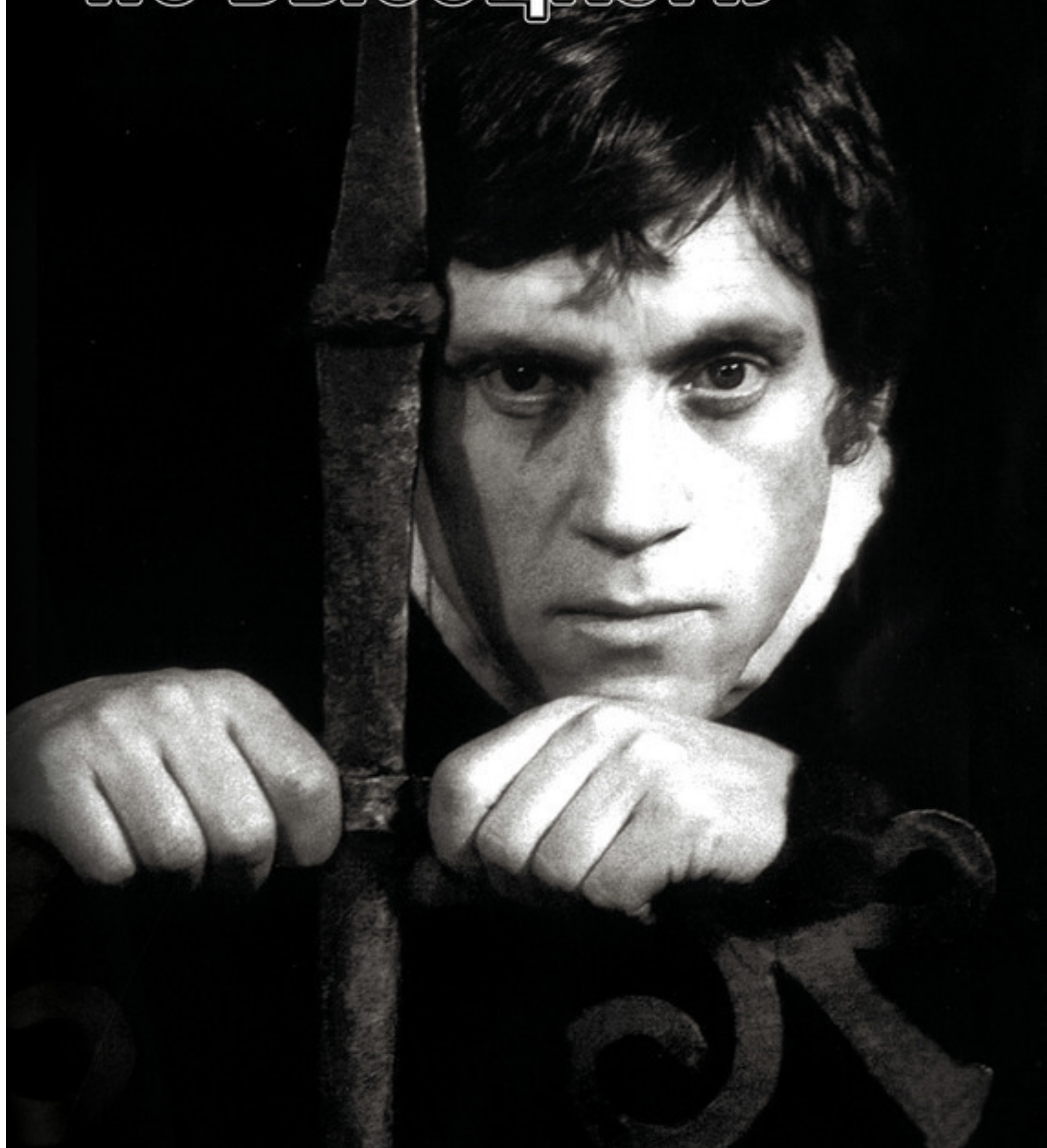

РЕКВИЕМ ПО ВЫСОЦКОМУ

Светлана Ермолаева
Реквием по Высоцкому

«Литео»

2018

УДК 94 (574)
ББК 84 Р7-5

Ермолаева С.

Реквием по Высоцкому / С. Ермолаева — «Литео», 2018

ISBN 978-9965-598-10-4

Впервые в истории литературы женщина-поэт и прозаик посвятила книгу мужчине-поэту. Светлана Ермолаева писала ее с 1980 года, со дня кончины Владимира Высоцкого и по сей день, 37 лет ежегодной памяти не только по датам рождения и кончины, но в любой день или ночь. Больше половины жизни она посвятила любимому человеку, ее стихи – реквием скорбной памяти, высокой до небес. Ведь Он – Высоцкий, от слова Высоко, и сей час живет в ее сердце. Сны, где Владимир живой и любящий – нескончаемая поэма мистической любви. Слава Богу, что в ее снах они встречались и любили друг друга... Так и проходила жизнь в неизбывной боли и страдании по несбывшемуся.

УДК 94 (574)

ББК 84 Р7-5

ISBN 978-9965-598-10-4

© Ермолаева С., 2018

© Литео, 2018

Содержание

К читателю	7
Панегирик	8
Моя исповедальная любовь	14
Избранные стихи из трех книг Памяти Владимира Семеновича «Мой Высоцкий» (1990, 2003 и 2008 годы), отдельные стихи положены на музыку композитором Норланом Сеитовым, а также стихи из сборника «Черный ангел» (1997 год)	14
Будет воскресенье	14
К мертвому – странная тяга...	15
Я по тебе тоскую бесконечно...	16
Пламя погасло	17
1	17
2	18
Похороны	18
С того света нет поездов...	19
Распяли – в сорок два	20
Потому что любил	21
1	21
2	22
Боготворю твой голос, твои песни...	22
Это бред какой-то?.. Или сон?	22
Душа не верит	23
А любимый мой ушел в мир иной...	23
Зачем эти тонкие свечи?	23
От имени ВВ	24
1	24
2	25
3	25
Кони	26
1	26
2	28
3	29
Зачем же душу	30
Ты не любил	31
За что мне – такая мука?	32
25 июля 1981 года	32
Песенка нечисти	32
ВВ	33
На Ваганьковском кладбище 13 декабря 1983 года	34
1	34
2	34
3	35
Три стихотворения о любви	35
Только ты	35
Все строки мои к тебе	35
Но в душе только ты	36

25 июля 1983 года	36
25 января 1984 года	37
25 июля 1984 года	38
Быть!	39
По чьей вине?	39
25 января 1985 года	40
Церковь Воскресения. Ваганьковское	41
25 января 1986 года	41
25 января 1988 года	42
25 июля 1990 года	43
25 января 1991 года	44
Из сборника «Черный ангел», 1997 год	45
1. Ода водке	45
2. Кони – в такт	46
Продолжая ВВ	48
Монолог Жеглова	48
25 января 1998 года	50
1	50
2	50
3	51
О скитальце одном	51
К России	52
Звезда[2] Высоцкого	53
Срок жизни увеличился	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

**Светлана Ермолаева
Реквием по Высоцкому
К 80-летию со дня
рождения. 1938–2018 годы**

© Ермолаева С., 2018

К читателю

Владимир Высоцкий – в моей душе, уме и творчестве с весны 1980 года, именно тогда я увидела его во сне, и он сказал мне: «Жаль, что мы никогда не встретимся». Я не поняла, почему, но стала вдруг думать о нем. До этого была маленькая заигранная пластинка «Кони привередливые» и другие песни. Был спектакль театра на Таганке в 1976 году во Дворце им. Ленина (ныне Республики) – «Добрый человек из Сезуана», где Высоцкий играл летчика.

Он тогда во время действия шел между рядами в черной водолазке, в черных брюках, играл на гитаре и пел. Вдруг посмотрел прямо на меня и подмигнул. Я сидела в крайнем кресле. Была молода и привлекательна. Спектакль продолжался, я ловила каждое его слово, очень хотелось увидеть его ближе, а, набравшись смелости, и познакомиться...

Но с чем бы я пришла к нему? С жалкими страничками своих стихов? С объяснением в любви? Но любовь, по-видимому, только зарождалась. Театр уехал, и встреча не состоялась. Но образ его – во всем черном – запечатлелся в памяти.

И вот май, 1980 год, и сон, и неотвязные мысли о совершенно незнакомом мне человеке, но уже лет пять как существующем в моем подсознании, почти без моего ведома. А, может, душа моя потянулась к родственной душе, ведь я была очень одинока в те годы. Так или иначе, я стала мечтать о встрече.

А 25 июля 1980-го – страшная весть о трагической кончине Владимира Высоцкого. Я не могла плакать, мне приходилось скрывать отчаянье, боль, свою скорбь от окружающих. У меня была семья, работа. Но полились потоком стихи-посвящения, стихи ему, о нем, о моей любви к нему, грозя захлестнуть: «С того света нет поездов...»

И вот десятки лет Владимир Высоцкий является для меня глашатаем правды, гениальным поэтом, гражданского мужества человеком. Человеком, достойным подражания. Столько же лет я не перестаю писать стихи о нем, ему, как бы воскрешая его образ в памяти снова и снова.

Таким странным образом ВВ вошел в мою личную биографию и творческую жизнь. В 1990 году, в 10-ую годовщину со дня его ухода я издала на свои средства (под псевдонимом Мощева) небольшую книжечку стихов, полностью посвященную ВВ, которая так и называлась «Мой Высоцкий» (Алматы). Книга разошлась по всему Союзу, со всех городов и весей приходили письма с благодарностью за то, что мне удалось выразить чувства тысяч и тысяч людей, которые так же почитали, любили, восхищались, понимали нашего великого соотечественника.

В 1994 году вышла книга «Венок Высоцкому» (г. Ангарск, Сибирь, составитель москвич Иосиф Повицкий) с 350-ю стихами-посвящениями поэтов-профессионалов и просто почитателей творчества Высоцкого. В книгу вошло четыре моих стихотворения. В 1997 году я издала (под псевдонимом Гордеева) небольшой сборничек стихов «Черный ангел» (Алматы) всего-то 500 экз. В нем тоже есть стихи-посвящения, эпитафии из стихов ВВ к моим, как бы продолжающим его темы или только интонацию. Композитор Норлан Сеитов написал музыку к двум стихотворениям: «Юбилейное» (к 25 января 1998 г.), и «Монологу Жеглова».

И сегодня, уже в 2018 году я продолжаю любить и помнить Владимира Высоцкого и общаться с ним – теперь уже на космическом уровне. Он продолжает сниться мне живым. Все сны рассказывать не буду, но одним из снов мне хочется поделиться с тобой, читатель: мы стоим с ВВ в комнате, а потом вылетаем вместе через открытое окно и парим рядом в ясном небе над зелеными просторами, и я знаю, что это: РОССИЯ.

Панегирик

В честь еще одного героя нашего времени, гражданина России, жителя Екатеринбурга АНДРЕЯ ГАВРИЛОВСКОГО.

Кто-то (см. по тексту) разрушает то, что есть и что можно еще хранить долгие годы, чтобы наши потомки не были манкуртами (типа зомби), не помнящими родства. Мировые достояния культуры покоятся в колумбариях ушедших гениев, каждый из них в свое время нес людям красоту и духовность в музыке, картинах и художественных произведениях поэзии и прозы. Живых гениев не принято провозглашать при любом режиме, при любых правителях, ибо они не вписываются в рабское покорное стадо подданных.

Всего-то только хранить старые и добавлять новые ценности. Таким хранителем как раз является страстный почитатель многогранных талантов Великого Владимира, имеющий духовное родство с рано ушедшим Поэтом. Не иначе. Андрей Николаевич с любовью выстроил музей В. Высоцкого в Екатеринбурге, на первом плане которого стоит первый «мерседес» Владимира Семеновича, и он сам возле него, как живой. С изумительным сходством вылита из воска фигура в полный рост. Залы музея заполнены многочисленными артефактами, принадлежащими Володе при жизни. Самый ценный из них, на мой взгляд, автограф последнего стихотворения ВВ, посвященного Марине Влади.

А еще этот необыкновенный музей расположен на втором и третьем этажах 54-ти этажного здания, названного в честь Высоцкого, единственного по своей уникальности в России, а, может, и не только в ней. Вот так увековечил память нашего народного достояния, гения, занявшего свое место в колумбарии мировой культуры, Андрей Николаевич Гавриловский, человек, думающий о будущем потомков. Страна должна знать своих реальных героев, а не тех, кого назначила пресса и телевидение, лживые и продажные насквозь. Для меня лично гражданин Гавриловский встал в своем необыкновенном подвижничестве рядом с Владимиром Семеновичем. Есть Бог на свете, и есть его дети, несущие свет в наш несовершенный мир.

Честь и хвала Андрею Николаевичу, огромная человеческая благодарность и низкий поклон от нас, почитателей Владимира Высоцкого, за его такой возвышенный дар. Хочется жить, когда в одной стране с тобой живет такой духовно богатый Человек. Личность, достойная подражания.

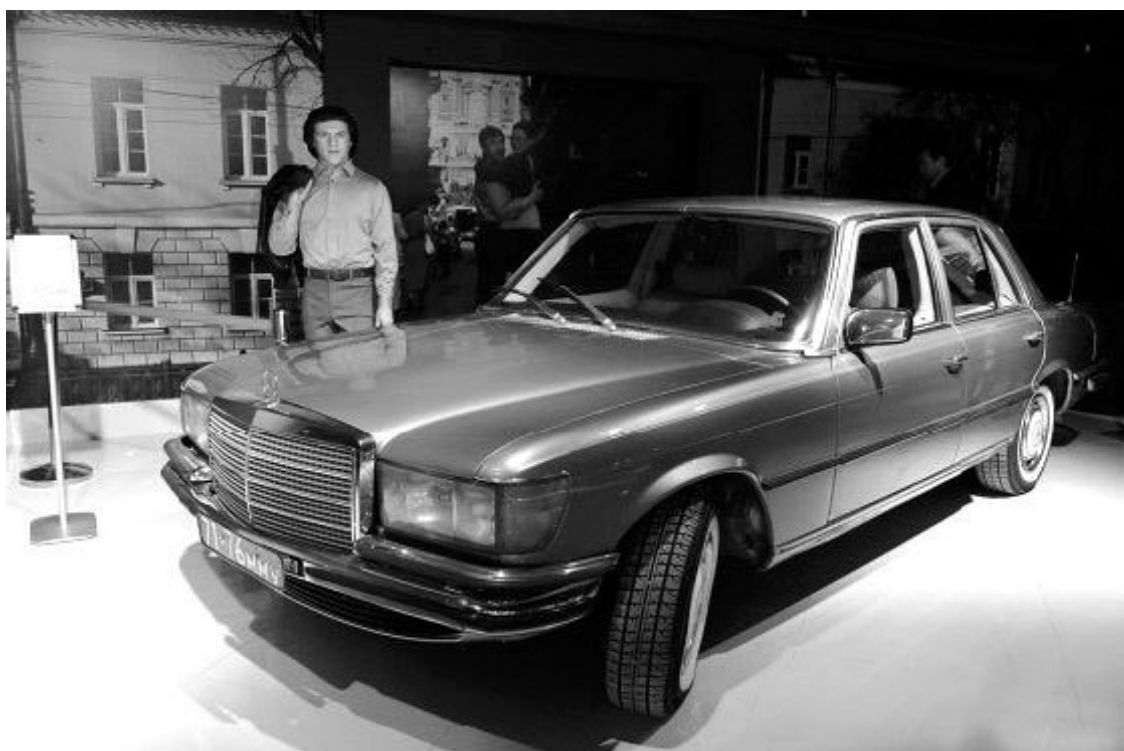
*От автора книги
Светланы Ермолаевой.*

A large, stylized handwritten signature in black ink, reading "Св. Ермолаева" (S.V. Ermolaeva). The signature is fluid and expressive, with a long horizontal stroke at the end.

* * *

Дом В. ВЫСОЦКОГО в Екатеринбурге

Музей В. ВЫСОЦКОГО

1990 (под псевдонимом Мощева)

2003

2008

Моя исповедальная любовь

Избранные стихи из трех книг Памяти Владимира Семеновича «Мой Высоцкий» (1990, 2003 и 2008 годы), отдельные стихи положены на музыку композитором Норланом Сеитовым, а также стихи из сборника «Черный ангел» (1997 год)

Будет воскресенье

Над твоей могилой не рыдала,
Я скорбела в городе другом.
Мрак взошел – я птицею упала
И о землю черную – крылом.

Все во мне от горя помутилось,
Несмотря – что я тебе чужая.
Может, Господь
Даровал мне милость:
Моей боли нет конца и края.

Я с собой в могилу унесу
Не о том пустое сожаленье,
Не пришлось с тобой бродить в лесу,
А надежду: будет воскресенье!

Мы с тобой воскреснем и вовеки
Будут рядом наши имена.
Если так скорбеть о человеке,
Две души воскреснут, как одна.

К мертвому – странная тяга...

К мертвому – странная тяга.
Скорбь почитаю за благо.
Мы ведь совсем незнакомы.
В горле – рыдания комом.

Володя, Володя, любимый,
Со мною ты рядом незримо:
И руки твои, и глаза.
О Господи, так ведь нельзя!

Может, все просто совпало.
Я в это лето устала,
Твоя в сорок два кончина
Душу в печаль заточила.

Володя, Володя, любимый,
Со мною ты рядом незримо:
И руки твои, и глаза.
О Господи, так ведь нельзя!

Скажут, с ума я сошла —
Мертвого друга нашла.
Будет ответ мой такой:

– Нету живых под рукой!

К мёртвому - странная тата

Я по тебе тоскую бесконечно...

Я по тебе тоскую бесконечно.
Наверно, так назначено судьбой:
Тебе уйти, а мне терзаться вечно
И рваться вслед —
За мертвым, за тобой.

Нет слез уже.
Так выплачу я душу —

Мои глаза, как выжжены, сухи.
Прости, прости!
Я твой покой нарушу
Послав тебе, ушедшему, стихи.

Я по тебе тоскую бесконечно

Пламя погасло

«Не поставят мне памятник в сквере...»

1

25 июля восьмидесятого года
Умер единственный в мире
Володя.
Рано, так рано! —
Рыдай иль молчи —
Пламя погасло у тонкой свечи.

Жил он на голом,

Натянутом нерве!
Умер Володя —
Последний из первых.

Может, пройдет лет десяток —
И в сквере
Памятник¹ будет ему, его вере
В жизнь справедливую,
Как он мечтал.
Умер Володя – устал...

2

Нет безысходного горя.
Солнце сияет в саду,
Птицы поют на просторе...
Я, спотыкаясь, бреду.

Нет безысходного горя.
Падают листья, шурша...
«Нет», – говорят.
Я не спорю.
Знаю, что в горе
душа.

Похороны

28 июля 1980 года

Белый гроб качался и плыл
По цветам, по цветам, по цветам...
Ты меня никогда не любил,
Но полюбишь —
Мы встретимся там.

Ты меня никогда не любил
И не знал,
Что на свете я есть.
Ты так щедро другой подарил
Свою душу, как лучшую песнь.

¹ А памятник стоит на Тверском бульваре.

О, поверь, я за то не в обиде.
Под одним со мной небом дыша
Ты не слышал меня и не видел,
Да и я жила, не ропща.

Но, однажды, явившись во сне,
Ты сказал:
– Мне так искренне жаль,
что с тобою не встретиться мне.
И меня полонила печаль.

И по мертвому другу тоска
В моем сердце теперь не пройдет.
И тебя эта с болью строка,
Может быть, на том свете найдет.

С того света нет поездов...

С того света нет поездов,
Самолетов нет с того света.
Путь туда лежал
Между двух рядов,
Между двух рядов
Золотых цветов,
В пике лета.

Уж не петь ему
Песен самому.
Они рвутся к нам
С наших «магов».
Стон гитарных струн,
И коней табун,
И обрыв крутой
У оврага.

С того света нет поездов,
Самолетов нет с того света.
Мысли путь бредов,
Было много слов.
Его дух среди них —
Смутной тенью...

А среди цветов
Он лежал – суров
И совсем тверез.
Как собрат его —
Сергей Есенин.

Может, души их
Из совсем чужих
Станут близкими и родными.
Родились они
От одной земли —
Ах, Россия-мать – свято имя!

Жгли стихами нас —
А они могли,
И глазами жгли голубыми...

Распяли – в сорок два

*«С меня при цифре 37
В момент слетает хмель...»*

Дожил до сорока двух лет,
Пройдя отметки разновозрастные.
Ты с самого начала был Поэт.
Да на стихи твои приклеили ярлык —
«блатные».

Твои собратья, перья наточив,
По части строкогонства
Были доки —
Писали с петухами и в ночи...
Все выжимали соки в жиденькие строки.

А ты писал, как нити из души
Вытягивал – разматывал клубок.
И так спешил —
Зачем ты так спешил?
Как будто смерть блуждала
Между строк.

Твои собраты будут долго жить
И состояния сколачивать упорно.
Бог с ними!
Мы же отыскать спешим
Твоих стихов
Рассыпанные зерна.

Потому что любил

*«В синем небе, колокольнями проколотом,
медный колокол, медный колокол —
То ль возрадовался, то ли осерчал...»*

1

Преклоняюсь – без тени смущенья —
Перед силою самосожженья.
Не пустые слова: преклоненья достоин,
Кто бестрепетно был
И один в поле воин.
Там, где гнулась толпа,
Он один подымался,
И гитара без усталости билась в руках.
Хриплый голос его
От усилия рвался —
Пел за совесть он, не за страх.
Тот душой неспокоен,
Чьи тропы круты.
Словно в колокол,
Каждою песней он бил...
Он Россию хотел уберечь от беды,
Потому что страдал,
Потому что любил!
Да, бесстрашно он смог
Постоять на краю,
В пропасть глянул —
И дух захватило!
...Не напрасно он душу живую свою
Все же тратил на то,
Что с души воротило.

2

Ах, Владимир, как жаль, Владимир,
В мир иной вы ушли впопыхах.
Голос совести сразу как вымер,
И ни в песнях его, ни в стихах.
Без задержки отправился рейс,
На тот свет он летит без посадки.
Не берут там доплату за лишний вес,
И билеты туда продаются без взятки.

Боготворю твой голос, твои песни...

Боготворю твой голос, твои песни
И все слова твои – боготворю.
Пусть мир для нас
Не оказался тесен,
Я нашу встречу в мыслях сотворю.

Я сотворю и взгляд твой,
Полный боли,
И облик твой – такой простой.
Я защищу тебя своей любовью
От зависти и подлости людской.

И буду повторять я бесконечно,
Пока жива: – Боготворю тебя!
Жизнь проживу, которая не вечна,
Не о себе, а о тебе скорбя.

Это бред какой-то?.. Или сон?

Это бред какой-то?..
Или сон?..
Ты не умер!
Ты живешь на свете!
Так за кем же рвется этот...
Стон?
Руки опускаются,
Как плети.
И глаза незрячие —
Сухи.

Рот – тоской обметанный
Как будто...
Вслед за стоном тут как тут...
Стихи —
Даже в эту скорбную минуту.

Душа не верит

Душа не верит в невозможность встречи,
Всё кажется: ты всходишь на порог,
Скупой улыбкой освещаешь вечер
И в нем меня —
Под гнетом скорбных строк.

Глаза в глаза —
И нет моим глазам пощады.
Как под гипнозом, я к тебе иду.
Не ты, а смерть притягивает жадно.
Но все равно я взгляд не отведу.

А любимый мой ушел в мир иной...

А любимый мой ушел в мир иной.
Только тень его бредет вслед за мной...
Только тень – и ни глаз, и ни губ.
Как жесток этот мир и как груб!

Живы милые – и жизнь нам, как дар.
Умирают – и память-пожар
Так свирепствует!
Стелется дым
Над несбывшимся счастьем моим...

Зачем эти тонкие свечи?

Зачем эти тонкие свечи
Стоят в изголовье твоём?
Володя, еще ведь не вечер,
Еще проживем и споем!

Ну, встань же,
Открой свои очи!
Отбрось маску смерти с лица!
Гитара так истово хочет
Клеймить подлеца и лжеца.

Гитара так истово хочет
В руках твоих правде служить,
Которую душат и топчут,
И в горло втыкают ножи.

Ну, встань же, глашатай и гений,
И в руки гитару возьми!
Запой, чтоб исчезли, как тени,
Бесовские орды с земли!

Зачем эти свечи

Moderato

Зачем э-ти тон-ки-е све-чи сто-
ят вблизи-то-ло-ве тво-ем? Бо-
ло-ля, е-ще не за-чер,
еще по-чи-ваем и спо-ем

От имени ВВ

1

К черту, доктор, камфору и морфий!
Должен я с достоинством уйти.
В этот раз серьезно, без уморы!
Кода! Финиш! И конец пути.

Эй, Харон, ну, где там речка Лета? —
Я кричу. В ответ мне — пустота.

Что-то я не вижу того света,
Но и этот застит темнота.

Кто стоит за дверью белой этой?
Лживой скорбью тронуты уста.
Я вернусь, пожалуй, с того света,
Если будет музыка не та!

Не из тех я, кто копил обиды,
Не из тех я, кто лежачих бил.
Слишком много понимал и видел
И фатального исхода не любил.

2

Стояла стена – стоуста молва,
И мне не давала дороги.
Едва я ступал, сатанела она...
Но я не просил подмоги.

И в хвост и в гриву без продыху, сна
И грызла она, и кусала!
И только песня спасала меня,
Ценою потерь спасала!

Терял свою душу в борьбе с молвой,
Но пел и дышал всей грудью!
Пусть я поплатился за то головой...
Теперь мне лишь Боги – судьи.

3

Не справляйте поминки по мне!
Я любил в одиночестве гулком
До полночи бродить при луне
По пустынным, глухим переулкам.

Не справляйте поминки по мне!
В полутемной квартире запойте...
И заплещется тень на стене,
затоскует гитара так горько!

Не справляйте поминки по мне!
Тошнотворны хвалебные речи.
Я завою, как пес при луне —
Потушу поминальные свечи...

Мoderato Не справляйте поминки...

ю Не справ-ляй-те по-мин-ки по мне. Я лю-
бу Бо-ди-мо-те-стве гу-лом до-пол-
но-чи бро-дить при лу-не по пус-
-ты-нным, глу-хим пе-ре-ул-кам.

Кони

1

«Чуть помедленнее, кони!...»

Кони нашей судьбы...
Пара резвых гнедых
Или старая кляча —
И глуха, и незряча.
Вы замедлили бег,
И — упал человек.
Может, встанет он сам,
Может, встанет он сам,
Может, встанет!

Ну, а может, ему
Уж не встать самому,
И друзья его тело поднимут.
Мертвым легче всего —
Им не жаль ничего,
Они скорби и сраму не имут.

Кони нашей судьбы...
Вороных и гнедых
Постепенно к себе приручаем,
Веря в то, что не раз
Они выручат нас,
Когда даже друзья не выручают.

Кони нашей судьбы...
Вороных и гнедых
Постепенно к себе приручаем,
Веря в то, что не раз
Они выручат нас,
Когда даже друзья не выручают.

Кони нашей судьбы,
В час тоски, в час беды,
В самый горестный час
Проклинаем мы вас.
Но мгновенья прошли —
В пене вы и в пыли,
И печально на нас
Косит бархатный глаз,
Косит глаз.....

Mod. *Chato* "Чуть помечтливее, кони!"
Em

Ко-ни на-шей судь-бы
Па-ра рез-вых гне-дых.
И -ли ста-ра-я кня-ча
И глу-ха и не-зря-ча
Вы за-ме-тали-ли бег,
И у-пал че-ло-век.
Мо-жет вста-нет он сам
мо-жет вста-нет

2

*«Сгину я, меня пушинкой
ураган сметет с ладони...»*

Понесли к обрыву кони!..
Тормозил – в крови ладони.
Закричал: – Остановитесь!
Ну, зачем так быстро мчитесь?

Но безжалостны, как время —
О! Неистовое племя! —
Грудью воздух разрывая,
Вы неслись, неслись по краю...

— Чуть помедленнее, черти!
Не готов еще я к смерти!
Песню лучшую спою,
Задержитесь на краю!

Ну, еще повремените!
Не допел я — вы поймите!
Только миг еще отмерьте.
Мы ж погибнем вместе, черти!

Вы допеть мне разрешите,
А потом порвите нити!
О, проклятье!
Погибаю-ю-ю...
Но я вас не проклиная.

Тонесли кобрыву кони!

Modérato

По-не-сли коб-ры-ву ко-ни

тер-мо зил в кро-ви ла-го-ни

за-кри-чал оста-но-ви-тес-ь

Ну за-чем так бы-стро мчи-тес-ь

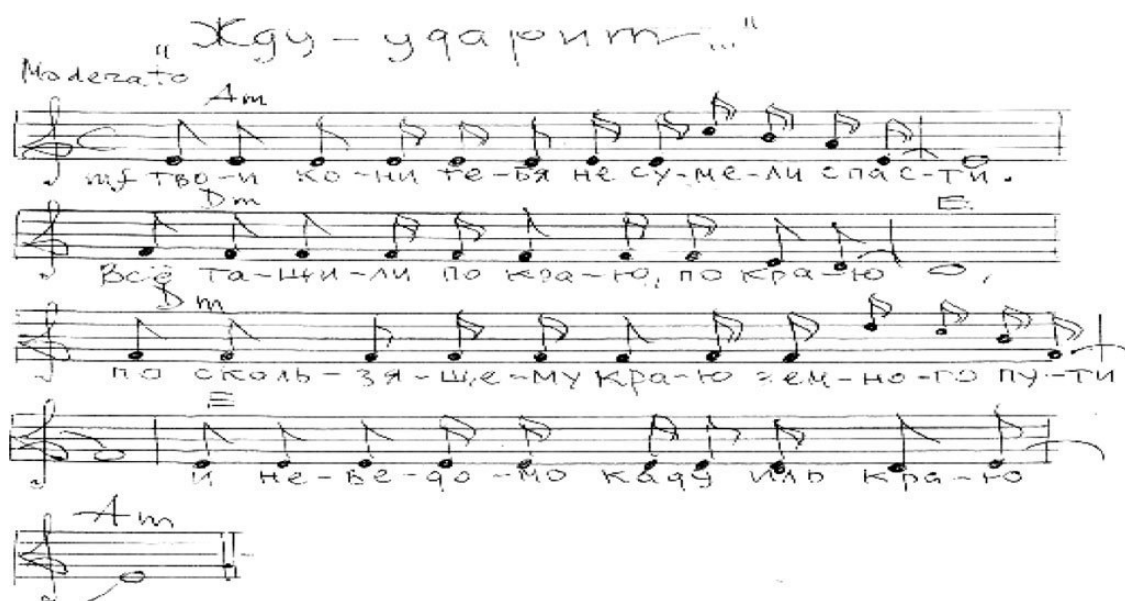
3

«Жду — ударит свинец из двустволки...»

Твои кони тебя не сумели спасти,
Все тащили по краю, по краю,
По скользящему краю земного пути...
И неведомо: к аду иль к раю.

Твои волки тебя не сумели сберечь.
Не напали на алчную свору:
Ружья сдернули недруги с плеч,
И курки взведены до упора.

Не спасли тебя, не сберегли,
Кони, волки и люди, конечно,
Дух твой в небо поднялся с земли!
Моя скорбь о тебе бесконечна...

Зачем же душу

«Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души...»

Зачем же душу
так изрезал ты —
Хлестала кровь струей,
Текла рекой.
Как по стеклу
Водил железом ты —
Своею

Собственной
Строкой...

Ты не палач,
А сам – на плахе ты.
Так жил ты,
Время торопя.
Так шел вперед,
Отбросив страхи, ты.
И не жалел себя...

Modérato Зачем же душу...

mf За-чем же ду-шу так из-ре-зал ты.
-та-ла кро-вот-е-кла ре-кой. Как
по сте-клу во-дил же-ле-зоп-ты, св.
-е-ю соб-стве-нной стро-кой.

Ты не любил

*«Я не люблю фатального исхода,
от жизни никогда не устаю...»*

Ты не любил фатального исхода.
Но что я слышу? Я не верю, нет!
Мне говорят, в жару была природа,
Когда с тобой прощался белый свет.

Но как же так?
А где же наша встреча?
Я не успела домечтать о ней.
Я вне себя...
И в ночь скатился вечер...
И вне себя я буду много дней.

За что мне – такая мука?

За что мне – такая мука?
Быть может, я очень грешна?
Черней не бывает разлука.
Нежней не бывает – нежна
Была бы с тобою, милый!
Но ты, не зайдя, ушел.
Я так бы тебя любила,
Как не любили еще!
Но нету туда дороги,
Куда ты ушел, Орфей!
Мне некуда деться, о Боги,
С бесплодной любовью своей.

25 июля 1981 года

«Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю...»

Вы прошлым летом
В мир ушли иной.
С тех пор ваш дух живет
На черном рынке.
Вы стали модным, но какой ценой
Вы оплатили хрип свой
На пластинке?

Повсюду вы с гитарой в руках.
И диски полки все заполнили.
На сумках ваш портрет и на зонтах.

Вас нет.
Есть те, живучие, как вши,
Что объедаются на подлом своем пире,
На вашем имени наживши барыши.
Они-то счастливы,
Что вы в загробном мире.

Песенка нечисти

«Ой, перестали совсем ублажать нашу нечистую силу...»

Загони его, загони!
Что-то слишком он стал знаменит.
Что-то слишком он стал популярен.
Тем он власти по духу полярен.

Затрави его, затрави!
Чтобы он захлебнулся в крови.
Что-то слишком ему зажилось.
Его песни —
Торчком в горле кость.

Усыпи его, усыпи!
Может быть, приковав на цепи?
Да заснет вольнодумец навеки!
Бог простит,
Ведь слабы человеки.

ВВ

Под крестиком православным
Я в ладанке имя ношу.
ВВ – грядущая слава.
Себе – ничего не прошу.

Я близким своим завещаю:
– Умру – не снимайте креста.
Свой путь на земле завершая,
Предстану пред очи Христа.

Я много страдала при жизни.
Даруй же мне радость теперь!
Где странствует Он,
Укажи мне!
Моя «Аллилуйя!» – тебе.

Пусть тело опустится в Лету,
Оставь мою душу живой!
Вот имя —
В ладанке этой.
...Владимир, единственный,
Мой!

На Ваганьковском кладбище 13 декабря 1983 года

1

На Ваганьково метели метут,
А к Высоцкому толпы идут
И кладут живые цветы
У его последней черты.

Кто-то спросит:
— А памятник где
Всенародной утрате-беде?
Есть такие громады окрест...
Здесь хотя бы поставили крест.

О, как больно ему на кресте!
Как горька у народа утрата!
А гвоздики —
Как кровь на Христе,
Вновь и вновь на Голгофе распятом.

2

Холодных рук твоих мне не согреть,
Сомкнутых век не разомкнуть слезой.
Мне суждено в горниле мук гореть
И за тобой — опасною стезей...

Никто, никто на целом белом свете
С тобой, живым, не встанет наравне.
Мне наяву тебя уже не встретить,
Но, к счастью, ты являешься во сне.

И происходит то, что быть могло —
Мы говорим и взглядом, и словами —
Когда б тебя в могилу ни свело
Твоей души неистовое пламя.

3

Пусть на твою могилу упадут
Мои стихи, пронизанные болью, —
Последний твой, неласковый приют,
Последний миг прощания с любовью.

Колени преклоню и лбом холодным
Коснусь цветов, пылающих в жару.
И здесь – в земле —
Не будешь ты свободным
От чувств моих, пока и я умру.

Три стихотворения о любви

Только ты

Отпеваю я тебя стихами
И живу твоею я судьбой.
Может, чувств негаснущее пламя
И меня отправит за тобой?
Никому от века не мечталось
Так любить,
Как мертвого люблю.
Для живых и пепла не осталось...
Я об этом, правда, не скорблю.
Только ты —
В моих печальных взорах.
За назойливые чувства не взыщи!
Не дано мне знать, как скоро
Встреча нам в кладбищенской тиши.

Все строки мои к тебе

Я ныне – твоя – и присно.
Все строки мои – к тебе.
Твоя нескончаемо тризна
Вершится в моей судьбе.

На каждую песню твою
Моя из рыданий готова.

Ужели напрасно молю:
– Давай перемолвимся словом?

Ужели? Так, зная, суждено
Шептать до скончания века
Мне имя – из тысяч одно —
Любимого мной человека.

Но в душе только ты

Мне влюбиться в кого-нибудь,
Что ли?
Чтоб огонь мою душу спалил,
Чтоб она отеклась поневоле
От кладбищ, от крестов, от могил.

Чтоб мне память лгала
Об ушедших:
Хорошо на том свете – во мгле,
И там нету Домов сумасшедших,
Которых полно на земле.

Но в душе только ты —
Как свеча.
И никто ее свет не потушит.
Черным вороном шаль на плечах,
И рыдания опять меня душат.

25 июля 1983 года

*«А запеть-то хочется, лишь бы не мешали,
хоть бы раз про главное, хоть бы раз – и то!
И кричал со всхрипом я – люди не дышали,
И никто не морщился, право же, никто...»*

Три года прошло, а ты
Живее живущих на свете.
Твой голос – лекарство от глухоты,
Для тех, кто нуждается в этом.
Других бы сбивал он,
Как нечисть, с ног —

Немало их,
Взгляды бросают косые
Туда, где почила —
На долгий ли срок? —
Отважная совесть России.
Но больше таких скорбящих
Вокруг,
Что будто зывают:
– Владимир, ты нужен!
Опять заколдованный кем-то круг
Вокруг наших душ так сужен.
Вокруг наших слов —
До немоты! —
Тот круг заколдованный сужен.

Владимир, восстань!
В мир плесни чистоты!
Ты мне, и другим ты неистово нужен!

25 января 1984 года

«Те, кто жив, затаились на том берегу...»

«– Что могу я один? Ничего не могу...»
Но ты мог!
Ты такое высказывал вслух!
Чашу с правдою ты
Расплескал на бегу —
В нас вселился бунтарский дух.

Издавна бунтари на народ выносили
Все, что души и совесть их жгло.
В песнях, в сказках ли...
Помнит Россия,
Как они воевали со Злом.

Сколько их, бунтарей-одинок,
Преждевременно в землю легло.
За высокое мужество мыслей и строчек
Смерть над ними так рано вздымала крыло.

И петля или пуля умирjali их кровь,
Ненасытную жажду любви и добра.

Им теперь все равно, что людская любовь
Полыхает над ними, как пламя костра.

Люди в скорби стоят – а метели метут, —
У могилы еще одного бунтаря.
Год четвертый идет, а к тебе все идут,
Словно к собственным душам тропинки торя.

25 июля 1984 года

*«Я вышел в дверь!
С тех пор в себе я сомневаюсь...»*

Четыре года,
Как четыре стона,
У ног твоих бездыханно легли.
Четыре года
Дух твой вне закона
Живет.
Его пока менты не замели.

Не променял душевную тревогу
Ты на смиренный,
Благостный покой.
И правде лишь —
Единственному богу,
Служил
Из нерва сделанной строкой.

Четыре года,
А людские души
Все пребывают в скорби
И неверье,
Что ты ушел,
Приличья не нарушив,
На этот раз —
Смиренно —
Через двери...

БЫТЬ!

*«Отдайте Гамлета славянам!»
(Ю. Кузнецов)*

И нам отдали: Гамлет – Высоцкий

Гамлет – брат мой!
Молвлю, как сестра,
Что вопрос извечный
«Быть – не быть»
Не решить нам с помощью добра
На подмостках сцены и судьбы.

«Быть!» – и бой за правду до конца.
«Быть!» – и с ядом выпито вино.
«Быть!» – и грудь под пулю подлеца.
Нам судьбой другого не дано.

Будет смерть почетною в бою.
Будет люд скорбеть о смельчаке —
Нет, не предал душу он свою,
В смертный час зажатый в тупике.

«Быть!» – без страха
В свой последний час.
«Быть!» – у бездны мрачной на краю.
Пусть народ свечу зажжет за нас —
Может, Господь встретит нас в раю.

По чьей вине?

*«Смешно, не правда ли, смешно?
Ну, вот.
И вам смешно и даже мне —
Конь на скаку и птица влет...
По чьей вине, по чьей вине,
По чьей вине? ...»*

Конь на скаку и птица влет,
А человек – в расцвете лет...

И если даже плавить лед,
Он не увидит белый свет.

И нам совсем уж не смешно.
Не докурил и не допил вино
И женщину одну не долюбил,
А про него уже – «жил-был...»

По чьей вине?
Да нам ли знать?
Есть на виновных Высший суд.
И будь у них богатств казна,
Навряд ли их они спасут.

Конь – на скаку
И птица – влет.
А человек —
В расцвете лет...

25 января 1985 года

*«Пусть впереди большие перемены,
я это никогда не полюблю».*

А мы все играем, играем.
С рожденья нам розданы роли.
Увы, не прельщаемся раем.
И ад не пугает нас боле.

Красивы публичные речи,
Нет пятен стыда на лице.
Высоцкий нам пел,
Что «не вечер»...
И вот он – в терновом венце.

Не вечер, ночища глухая
Опутала тьмою умы.
И совесть босая, нагая
Рыдает у новой тюрьмы.
Грядут перемены большие —
И снова: – Ура! Одобрям!?

Не чуждые речи – чужие
С трибун зазвучат там и сям.

Сплетутся и новые сети,
Придет и рыбак – в свой черед.
Народ мой доверчив, как дети,
На паперть с сумой побредет.

Церковь Воскресения. Ваганьковское

*«Может, кто-то когда-то поставит свечу
мне за голый мой нерв, на котором кричу,
за веселый манер, на котором шучу...»*

Купила в храме поминальную свечу.
Я с детства здесь ни разу не была.
Торжественно и тихо, как в лесу —
Когда его поземка замела.

Спросила я кого-то, что сказать,
Как помянуть усопшего по-божьи?
С моим вопросом встретившись, глаза
Помедлили с ответом настороженно.

Потом, губами пожевав, сказал старик:
– Нет общих слов. У каждого – свои.
Услышит Бог и шепот твой, и крик,
Ты только душу щедро отвори.

Я душу отворила и шепчу:
– Пусть будет пухом вам земля!
При этом
Я ставлю поминальную свечу
За голый нерв народного поэта.

**25 января 1986 года
Гитара Высоцкого**

*«А гитара опять не хочет молчать,
поет ночами лунными...»*

Ему б сегодня было сорок восемь...
Январь зачем-то притворился мартом
И жесткий снег с деревьев черных сбросил.
И ожила гитара где-то рядом:
Звенит, поет, тоскует безутешно...

Почудились шаги издалека,
И рук прикосновение поспешное —
Истосковавшийся по струнам музыкант?
Да, это он!
И не было разлуки.
Как страшный сон – чехол и черный гвоздь.
А явь сейчас – единственные руки!
Их жар не раз ей испытать пришлось.

Он, не спеша, поднялся на помост.
Гитару левой обнял он за гриф,
А правой – тронул струны...
Будто мост
возвел меж ею и собой. Несуетлив.
Ну, в точь такой, когда в последний раз
Он пел, он улыбался,
Он дышал!..
Он знать не знал,
Что в этот самый час
Уж шаг к бессмертью сделала душа.

25 января 1988 года

*«Но в привычные рамки я всажен —
На спор вбили...»*

Вершил он великое дело
Преградам всем вопреки.
Россия не оскудела,
Коль есть **мужики**.
Запретами стиснуты глотки.
Бахвалась отвагой своей,
Лишь трусы вопили за водкой
Среди таковых же друзей.
Сказать во весь голос

Посмел он,
Пусть ждали – сума иль тюрьма,
Что слово насилует дело,
И горе в стране без ума.
Свобода, отпетая властью,
На ладан дышала едва.
Душа разрывалась на части,
Как колокол, били слова!
Ах, мило, ах, смело, ах, жутко —
Вознесся поэт над толпой.
Но с властью бороться – не шутка,
Упрятали в гроб... на покой.
Покойный, он стал неопасен,
Посыпались «ахи» вослед...
Он весь – до ногтей – приукрашен,
А дух его «всажен» в багет.

25 июля 1990 года

*«И счастлив я висеть на острие,
зарезанный за то, что был опасен!..»*

Ты стал отныне неопасен.
Звучит уютно хриплый голос
в кабине «мазовской» на трассе.
В момент – от гибели на волос.

Предстал ты голым, как король,
Чуть-чуть прикрыт
Листком ли, фигой?..
О, русский Гамлет, эту ль роль
Ты заслужил своим подвигом?

Враги – в друзьях,
Друзья – в молчанье,
Толпой – биографы-кликуши...
Владим Семеныч, как печально,
Когда и мертвым гадят в души.

25 января 1991 года Попурри на темы песен Владимира Высоцкого

На дворе – всю зиму,
Век кончается двадцатый.
Кто с умом, кто без ума —
Лезут дружно в депутаты.
Без ума или с умом —
Во Кремлевские палаты.
Будто в церковь с топором,
Прут с мандатом депутаты.
Их мандат – и щит и меч,
Пропуск к благам, к дефициту.
Нам бы – голову сберечь
Да дырявое корыто.

Эх, Володя, чья-то воля
Увела тебя во тьму.
У поэтов – злая доля,
Презирать свою страну.
Без ума или с умом —
В болтовне проводят день.
А Союз – наш общий дом,
Грабят все – кому не лень,
Как хозяйева, в Кремле
И в Палате Грановитой
Вновь Законы о Земле
Нам варганят с рожей сытой.

А в колхозе – все шаром,
Зол мужик – в одном носке.
И, как встарь, плывет паром
По загаженной реке.
Хрущ прославлен кукурузой,
Л. И. Брежнев – целиной.
Заливается Карузой
Наш Генсек очередной.
Рвется он из сухожилий:
Всех нас по миру пустить.
Честных воры обложили —
Не спастись и не спасти.

Эх, Володя, по-за-рез
Нужен ты – бунтарь-мессия!

Нам мерещится, что бес
Губит вольную Россию.

Здравствуй-здравствуй,
Век двадцатый —
До милиции родной!
До свиданья, депутаты
И ваш съезд очередной!
Доболтаетесь – дебаты
Оборвет народный глас.
С газ-водою автоматы
Пустьят в дело против вас.

Эх, ребята, вновь не так —
За-пре-ти-ли зелье!
Вся страна наша – бардак,
Пей не пей с похмелья...
Во! – в России мужики —
Все им чей-то хотца!
То писать – трояк с строки,
То за власть бороться.
Рынок, рынок
К нам грядет,
И – ату! – пророки!
Без портков уже народ,
Без крамолы – строки...

Эх, Володя, кони вскачь —
Ими я не правлю.
По тебе – мой горький плач
И тебя я славлю!

Из сборника «Черный ангел», 1997 год

1. Ода водке

*«Или куришь натоцак,
Или пьешь с похмелья!..»*

...Запиваем, бывает, по-черному,
а иначе и выжить-то как?
Даже наши большие ученые

От давления хлещут коньяк.

А про водочку нету и прений.
После баньки, с устатку иль так
Много-много уже поколений
Принимают ее натошак.

Что шампанское любят пииты,
Всех Пегасов споили давно,
Даже древние знали шииты,
Может, видели наше кино.

А сейчас налегли на ликеры,
Шоколадной оберткой шурша...
Даже истина топится в споре,
Если резать ее без ножа.

Мужики вымирают в России,
Если пиво не пьют при леще.
Жил один, и того поносили
За пристрастие к водке, ваще. (слово ВВ)

Да при рынке таком окаянном
Без хмельного нельзя куража.
Водку хлещем не стопкой, стаканом,
Лишь бы вырваться из виража.

Непосильная ноша поэту —
Выживать в окаянные дни,
В грязь лицом не ударить при этом,
Твердо веря, что сгинут они.

И при черной печали по-черному,
Как, возможно, бывало и с ним,
Не ликеру под вафли мученые,
Водке должное мы воздадим.

2. Кони – в такт

*«Где-то кони пляшут в такт —
Нехотя и плавно...»*

Кони – в такт,
А в пропасть как?
Нехотя и плавно...
Да, Володя, все не так,
А сейчас – подавно.
Вдоль дороги – воронье,
Их число бессечно!
Поголовно, сплошь вранье,
Что кресты, что четки.
В церкви точно, как в кино,
Сатане приславно.
Нет у святости давно,
А сейчас подавно.
Притворяться ни к чему,
Бога в душах нету —
Нет пристанища ему,
Где от веры пепел.
Чем не камеры – дома?
Окна, дверь – в решетках.
Мы б давно сошли с ума,
Да спасает водка.
Выйдешь из дому – и хам
Прет навстречу с матом.
Глянешь в прошлое, а там
Лишь одни утраты.
В кабаке, где с горя пить,
Тоже правит быдло.
Э-э-эх, да что там говорить!..
Если баксы – идол.
Идол, символ и кумир —
Впрозелень бумажки.
Покорили скопом мир,
Как куриной ляжкой.
Э-эх, да что там говорить!
Все давно обрыдло!
И никто уж не хрипит:
– За державу стыдно!
Той державы нет давно,
Продана за баксы.
Зато смотрим порнкино,
Письма шлем по «факсу».

Я на гору впопыхах!..
Мне: – Да не пыхтите!
«Новым» срублена ольха,

пальма там... с Таити.

Продолжая ВВ

Я говорю своим биографам,
Что обожаю пить с утра.
Потом сижусь, слежу за облаком
И вспоминаю, что вчера.

Вчера бухали мы по-черному,
Уж ты нас, Господи, прости!
Простые мы и неученые,
Не знаем, как себя вести.

Нажремся прямо, как начальники,
Куды министрам там до нас!..
Те молча пьют, они «молчальники».
И в одиночку пьют зараз.

А мы простые, мы куражимся
И в глотки льем с утра вино.
Зальем, покажется, отважимся
Сходить на «вы» иль в порнкино.

И на словах мы изгаляемся
Над всем правительством зараз.
Сидим себе, опохмеляемся...
Чем не министры мы сейчас?

Министр льет воду с утра до ночи,
Мы не завидуем ему!..
Стоят заводы, а мы онучи
Оденем – и на Колыму.
Вот так!

Монолог Жеглова

...Идет по-крупному игра,
И я готов на встречу,
На схватку с бандою пора.

Еще, Жеглов, не вечер!

Еще не вечер, и не ночь,
И в жизни фарт – для смелых!
Азарт пьянит,
как спирт, точь-в-точь,
Когда иду на дело.

Иду на «ручников»-воров,
Их непотребных девок.
Я не бессмертен,
В жилах – кровь,
И сердце бьется слева.

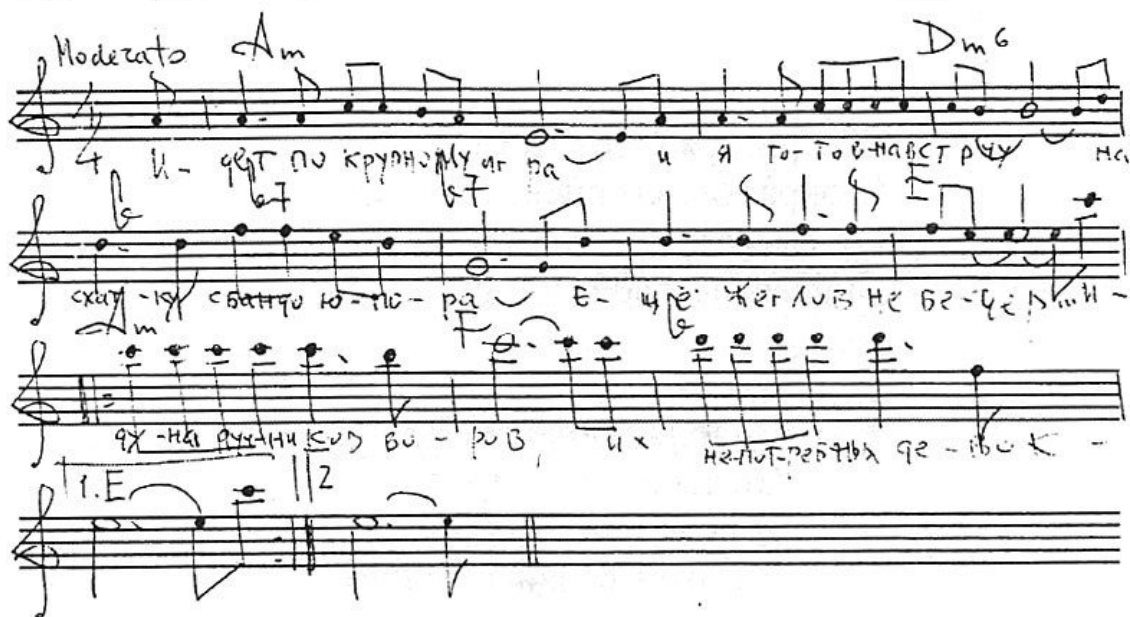
И «волк»-убийца будет мой,
В своей, в чужой ли шкуре.
Он не один такой крутой,
Ребята круче в МУРе.

Вот брезжит утро, даль светла.
Идет к концу облава.
К победе вера привела,
Что наше дело – право.

Монолог Жеглова

сл. С. Ермолаевой

муз. Н. Сеитова

25 января 1998 года
Юбилейное

1

Все рвется Высоцкого голос
С экранов, со сцен, из квартир!
От смерти прожил он на волос,
Спасая по-своему мир.

Припев:

Володя, Володя, Володя,
Остались мы, други твои,
И вслед за тобою уходим
Из этой страны нелюбви.

2

И рвутся гитарные струны
В руках одиноких людей,
А души их ночью безлунной,
Как стая больных лебедей...

Припев.

3

Пусть рвутся, пусть рвутся,
пусть рвутся
И голос, и струны сердец.
О, Господи! Мир в твоих руках.
Спаси, сохрани нас, Творец!

Припев.

Юбилейное муз. Н. Сеитова

Moderato

Всё рвётся вы-со-чко-го го-лос, сэ -
кра-нов, со сцен из ква-ртир! От сме-рти про-
-жил он на во-лос, спа-са-я по-сво-е-ну
мир во-ло-дя, во-ло-дя, во-ло-дя, ос-
та-лись мы дру-ги тво-и, и вслед за то-бо-ю у-
хо-дим из э-той стра-ны не-лю-бви.

О скитальце одном

«Но и утром все не так,
Нет того веселья...»

Бреду по редакциям, как по этапу —
Где плюнут, где сунут
Под ребра кулак.
Неужто за это им платят зарплату —
Чтоб рвали, как церберы?
Или не так?

Как нищий, с сумою, за подаяньем,
Так я со стихами своими бреду.
Возможно, предсмертным
Своим покаяньем
Я истинный путь на земле обрету?

Как бич или нищий, скитаясь под небом,
Я помню всегда о скитальце одном:
Чужим он сочувствовал болям и бедам,
Свои – заливал самым горьким вином.

К России

«Мне судьба – до последней черты, до креста...»

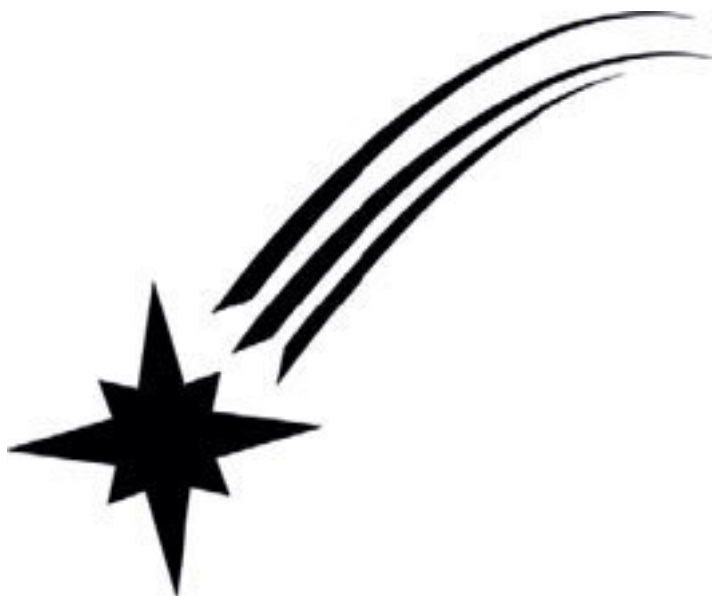
Распнут – и объявят мессией,
сожгут – и объявят поэтом.
А в нашей любезной России
«осанну» исторгнут при этом.

Гноят и мытарят в неволе
глашатаев правды единой.
В России – им лучшая доля:
безвинному – явка с повинной.
Строптивому – благ укрощенья:
кнутом или плеткой литой.
А в нашей России – прощенья
грехам за последней чертой.
Любезная сердцу Россия,
зачем этот крест на пути?
О, Господи – я не мессия,
мятущийся дух укрепи!

О, Господи – высшая сила,
Спаси меня и сохрани!
Всем сердцем люблю я Россию,
особенно в черные дни.

Звезда² Высоцкого

Мы все живем «До завтра» —
Прислуга и король,
А также космонавты.
Мы все играем роль.

Пусть кто-то не проснулся —
Все сыграно уже.
И мир не ужаснулся,
Не всхлипнул о душе.

О ней, непокаянной,
Лишь близкие вздохнут.
Звездой безымянной
Душа рванет из пут.

Мы живы все до «завтра»,
А значит – до утра,

² Астероид ВладВысоцкий.

Подсчитывать утраты
Нам всем давно пора...

Срок жизни увеличился

*«Срок жизни увеличился и, может быть, концы
Поэтов отодвинулись на время!..»*

Срок жизни увеличился – а мы,
Поэты, поведением, данным свыше,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.